

Около полуночи тайфун обрушился на побережье всего в сотне километров от острова Вэйхай.

К счастью, эпицентр прошел стороной, и остров избежал серьезных разрушений. И все же ветер штормил напропалую, а за окнами непрерывным потоком хлестал дождь.

На следующий день ранним утром Се Синьцяннь лениво валялся в постели, наблюдая за дикими порывами ветра. Из-за ненастья съемки отменили. Синьцяннь не стал беспокоить ассистента и просто заказал завтрак в номер.

Ли Вэньсю поднялся позже. Сидя на кровати в пижаме с пылающими щеками, он выглядел немного растерянным и заторможенным.

Се Синьцяннь протянул руку, коснулся его лба и нахмурился:

— Да у тебя жар.

Ли Вэньсю отозвался не сразу, медленно проговорив:

— Пустяки, небольшая температура. Выпью жаропонижающее, и все пройдет.

Термометр показал 37,5 градуса. Градусник подмышкой подтвердил, что сильного перегрева действительно нет. Синьцяннь успокоился, заставил Ли Вэньсю принять лекарство и уложил обратно.

Однако к полудню состояние Вэньсю резко ухудшилось. Температура подскочила до 39,6 градуса, лицо побледнело, а по телу заструился холодный пот.

Синьцяннь никогда не видел его настолько беспомощным. Он потянулся к телефону, намереваясь вызвать дежурного врача для капельницы.

Но Ли Вэньсю перехватил его руку и слабо качнул головой:

— Не надо.

— Но ты же... — опешил Синьцяннь.

— Это не простуда, — хрипло, растягивая слова, произнес Вэньсю. — Врачи тут бессильны. Это отголоски прошлого задания.

— Того самого, из-за которого исчез Да Хэй? — Синьцяннь вспомнил, как жутко смотрелся Вэньсю во время их прошлого сеанса терапии, хотя и представить не мог, что последствиям не

будет конца так долго. Замявшись, он тихо спросил: — Тебе очень плохо?

— Терпимо, — вздохнул Вэньсю. — Все-таки противник был эспером S-класса.

— Что же мне сделать? — засуетился Синьцзянь. — Связаться с Управлением?

— От них тоже не будет толку, — сухо вато откашлявшись, вымолвил Ли Вэньсю и добавил: — Просто лежи со мной немного.

Не раздумывая долго, Синьцзянь откинул одеяло и забрался на кровать.

— Разрешешь укрыться с тобой одним одеялом? — попросил Вэньсю.

Он лежал на боку, глядя на Синьцзяня. Легкий румянец на щеках, влажный блеск в глазах, взъерошенные волосы на лбу — даже голос звучал необычайно мягко и беззащитно.

Синьцзянь отродясь не видел Ли Вэньсю в таком состоянии. Сердце его екнуло. Сдвинув подушку, он нырнул под одеяло.

Первым чувством стало обжигающее тепло.

Действительно обжигающее.

Особенно со стороны, обращенной к Вэньсю. Хотя они не касались друг друга, от того исходили мощные волны жара, мгновенно согревая воздух вокруг.

— Спасибо, — шепнул Ли Вэньсю.

Синьцзянь почувствовал, как к щекам приливает кровь, и вежливо откликнулся:

— Не за что.

Наступила неловкая тишина. Они молча лежали рядом, пока над самым ухом не раздалось:

— Можно я обниму тебя?

Синьцзянь замер.

«Обнимешь?»

— Обнимешь? — переспросил он вслух.

— Да, — заколебавшись на мгновение, пояснил Вэньсю. — Так ты слишком далеко.

Синьцянь онемел.

Хоть просьба и звучала странно, но ведь это лишь терапия, исключительно медицинская процедура без всякого скрытого подтекста. Все равно что массаж, точечное воздействие или искусственное дыхание.

Именно так, ничего личного!

Проникнувшись чувством долга, Синьцянь кивнул:

— М-можно...

Правда, произнес он это, уткнувшись носом в подушку, отчего голос прозвучал приглушенно и неуверенно.

— Прости за бестактность, — молвил Ли Вэньсю и, раскрыв объятия, притянул его к себе.

Жар накрыл мгновенно. Синьцянь будто прижался к живой грелке — причем раскаленной до предела и без защитного чехла.

Спустя пару минут Синьцянь начал покрываться потом. Пижама липла к телу, лихорадочный пыл заставлял сердце колотиться быстрее.

Оба смущались, поэтому больше не произнесли ни слова. Синьцянь чувствовал себя не слишком уютно в этих крепких объятиях, но менять позу не стал и так, в некотором оцепенении, постепенно погрузился в полудрему.

Спустя неопределенное время его разбудила вибрация телефона.

Синьцянь долго нашаривал рукой по матрасу, пока наконец не нащупал аппарат и не принял вызов:

— Алло?

— Брат? — раздался в трубке возбужденный юношеский голос.

«Откуда у меня брат?»

Прищурившись, он взглянул на экран — незнакомый номер без подписи. Затем перевернул корпус: белый глянец, точно такая же модель, как у него. Это был телефон Ли Вэньсю.

Осознав, что ответил на чужой звонок, Синьцянь смутился и застыл, не зная, что сказать.

— Ты кто такой?! — занервничал голос на том конце. — Почему у тебя телефон моего брата? С ним что-то случилось?

— Я его коллега, — сориентировался Синьцянь. — Его сейчас нет рядом. Перезвони позже.

И с этими словами сбросил вызов.

Когда он проснулся во второй раз, Ли Вэньсю уже разговаривал по телефону. Голос его звучал прохладно и отстраненно:

— Не приводи его. Я работаю.

— Даже если приедете, я не стану встречаться.

Голова Синьцяня после долгого сна оставалась тяжелой, но он уловил, что в голосе Вэньсю появилась прежняя уверенность. Похоже, кризис миновал.

— Тебе лучше? — спросил Синьцянь, когда Вэньсю завершил разговор. Голос у только что проснувшегося юноши выходил сиплым и капризным, словно у избалованного ребенка.

— Все в порядке, — кивнул Ли Вэньсю, вновь обретая привычный невозмутимый вид.

— Вот и отлично, — вздохнул с облегчением Синьцянь. Полежав еще немного, он неспешно поднялся.

Из-за длительного сна во всем теле ощущалась приятная вялость. Взглянув на часы, он изумился: стрелки подбирались к пяти вечера.

За окном тайфун окончательно улегся. Тучи рассеялись, и сквозь их рваные края проглядывал багровый закат. Завтрашний день предвещал погоду.

Синьцянь сладко потянулся и поплелся в ванную.

Тайфун миновал, и в графике съемок «Долгого лета» наступила черед сцен, изображающих ясный день после проливного дождя.

Спутниковую тарелку на крыше виллы повредило ливнем, так что телевизор в гостиной показывал лишь снежную рябь.

Бай Цзиннянь вышел во двор и обнаружил, что ослабло крепление стойки — дело житейское, достаточно подтянуть пару гаек. Он принялся подкручивать болты, попутно меняя угол наклона приемника.

После нескольких попыток нужная позиция найдена была, и в гостиной на секунду пробился сигнал. Но стоило Цзинняню отпустить конструкцию, как экран вновь затянула белая пелена.

На втором этаже, в своей комнате, Тан Фэн писал этюд. Вдруг до него донесся тихий стук.

— Не заперто! — окликнул он.

Бай Цзиннянь толкнул приоткрытую дверь и шагнул внутрь.

Солнечный полдень затопил комнату. Морской бриз шевелил белые тюлевые шторы. Тан Фэн сидел у окна в белой футболке с кистью в руке. Его рельефное предплечье прочерчивали четкие линии мышц, дышащие мужественной силой.

Бай Цзиннянь замер на пороге, не сводя с него глаз.

Тан Фэн поднял взгляд:

— Что-то стряслось?

— Тарелка сбилась, — пояснил Цзиннянь. — Я не разберусь сам. Поможешь настроить?

Тан Фэн отложил кисть и поднялся:

— Пошли.

Огромный громоздкий приемник девяностых годов косо торчал возле бассейна, напоминая загадочный аппарат для связи с инопланетянами.

Тан Фэн крутил тарелку на улице, а Бай Цзиннянь следил за экраном в гостиной.

— Ну как? — доносилось снаружи.

— Нет пока!

— А сейчас?

— Все еще пусто.

— А так?

— Опять ничего...

Бай Цзиннянь осекся на полуслове. Тан Фэн каким-то образом оказался прямо у него за спиной и с напускной суровостью пробасил:

— Специально меня дурачишь? Забавно, да?

— Прости... Действительно довольно забавно, — опустив голову, послушно пробормотал Бай Цзиннянь.

Тан Фэн уже собрался сменить гнев на милость, но, вдумавшись в ответ, мгновенно изменился в лице:

— Забавно, говоришь?!

Бай Цзиннянь ойкнул и, не дожидаясь вспышки, прошмыгнул мимо него и помчался на второй этаж.

Он взлетел в свою комнату, захлопнул дверь и прижался к ней спиной, чувствуя, как бешено колотится сердце.

А спустя мгновение, вспомнив что-то, не удержался и улыбнулся.

История миновала первую пятую часть, и на лице угрюмого студента-режиссера наконец-то просияла улыбка.

— Стоп! Снято!

Едва прозвучала команда, Се Синьцяннь отошел в сторону. Чжоу Мин тут же подал ему двухлитровый термобутыль с трубочкой, и Синьцяннь жадно сделал глубокий глоток.

Для этой роли от него требовалась умеренная худоба, поэтому питался он вполсыта, а наступающие приступы голода глушил водой. Хотя режиссёр Ло Юаньцзе больше не требовал жестких ограничений, привычка таскать с собой огромную баклажку осталась. За день он свободно выпивал целую канистру.

У него была особенность: набрав воду в рот, он не глотал её сразу, а ненадолго задерживал за щеками.

Из-за этого после долгого дубля раздутые щеки Синьцяння напоминали мордочку пучеглазой золотой рыбки.

Ли Вэньсю, проходивший мимо, глянул на него и неожиданно ткнул пальцем в надутую щеку.

Кожа поддалась, с пружинящим тихим звуком сжавшись обратно.

Находя это весьма забавным, Вэньсю ткнул еще раз.

Синьцяннь едва не подавился. Быстро сглотнув, он задрал голову и смущенно возмутился:

— Ты чего вытворяешь?!

Ли Вэньсю убрал руку и невозмутимо произнес:

— Действительно довольно забавно.

Синьцяннь опешил, только сейчас осознав, что тот цитирует диалог из фильма:

«Ты что, ребенок?!»

Не желая снова стать жертвой чужих ребячеств, Синьцяннь обнял свою бутылку и отсел подальше.

Вскоре Ло Юаньцзе объявил, что дубль утвержден. Отработав еще одну сцену за пианино, съемочная группа завершила дневную программу.

Когда съемочный микроавтобус доставил актеров к отелю, из кресла в холле мгновенно вскочил молодой парень. Однако, разглядев Синьцяня, он разочарованно опустил обратно.

Но стоило ему заметить идущего следом Ли Вэньсю, как он, подхватив рюкзак, радостно бросился навстречу:

— Брат!

Чжоу Мин вытянул шею, изнывая от любопытства:

— Похоже, это к учителю Ли... Не знал, что у него есть младший брат.

Брат Ли Вэньсю?

Синьцянь оглянулся. Парень выглядел совсем юным, словно только окончил среднюю школу. Он снизу вверх смотрел на Вэньсю и сиял от счастья.

Ли Вэньсю в темных очках и маске что-то негромко ответил ему. Из-за расстояния слов было не разобрать, но судя по сияющему лицу подростка, речь шла о чем-то теплом.

— Синьцянь-гэ? — спросил Чжоу Мин, заметив его пристальный взгляд. — Подойдем поздороваться?

— Не стоит, — качнул головой Синьцянь и пошел к лифтам.

В номер Чжоу Мин сначала заказал ужин, а затем принялся наводить порядок.

— Это ведь вещи учителя Ли? — спросил ассистент, поднимая с тумбочки шелковый платок. — Убрать?

Синьцянь взглянул на аксессуар. Потерпевший бедствие коллега оставил у него не только платок, но и галстук, ремень, наручные часы... Ночевал всего ничего, а вещей раскидал целую кучу.

— Сложи и отнеси ему, — распорядился Синьцянь.

Чжоу Мин удивился:

— Учитель Ли больше не будет ночевать у нас?

Синьцянь помедлил и качнул головой:

— Нет.

Организм оправился, крыша в его номере больше не протекает, да еще и родственник приехал — наверняка Вэньсю захочет провести время с близкими.

Чжоу Мин собрал вещи и направился к выходу, но едва потянул ручку двери, как застыл. На пороге стоял Ли Вэньсю с дорожной сумкой в руках.

— Учитель Ли? А я как раз собирался занести ваши вещи.

— Не нужно, пусть лежат, — Вэньсю шагнул в прихожую.

Чжоу Мин недоуменно переглянулся с Синьцянем. Тот кивнул, показывая, что ассистент может быть свободен.

Едва дверь за Чжоу Мином закрылась, Ли Вэньсю подошел ближе и произнес:

— Мой номер оккупировали. Приютишь на пару дней?

— Я думал, ты останешься с братом, — заметил Синьцянь.

— Он приехал без приглашения, — сухо отозвался Вэньсю.

Судя по тону, отношения с родственником оставляли желать лучшего. Синьцянь не стал расспрашивать и просто согласился.

Спустя некоторое время в дверь постучали. Думая, что прибыл официант с ужином, Синьцянь отпер дверь и столкнулся с тем самым подростком. Вблизи тот казался совсем мальчишкой. Он с любопытством уставился на хозяина номера.

— Ты к кому? — Синьцянь не спешил выпускать ручку.

— Се Синьцянь? — удивился парень. — Мой брат у тебя?

Синьцянь утвердительно кивнул.

Подросток попытался заглянуть в щель:

— У вас же тут одна кровать? Вы что, спите вместе?

Синьцзянь потерял дар речи.

— Так вот почему он отказался спать со мной! — с живостью протянул юноша. — Оказывается, перебрался к тебе!

— Ли Синъюй, — раздался за спиной Синьцзяня ледяной голос Ли Вэньсю. — Еще одно глупое слово, и я отправлю тебя домой первым же рейсом.

— Но я же правду говорю! — надулся тот. — Мало того что бросил меня, так еще и слова сказать нельзя?

«И это современные школьники?»

Он перевел взгляд на Ли Вэньсю. Всегда выдержанный и сдержанный, сейчас тот выглядел угрожающе. Темные глаза источали властность и едва сдерживаемый гнев.

— Я сейчас разберусь, — ровно произнес Вэньсю и, сделав шаг вперед, вытолкнул Синъюя в коридор, прикрыв за собой дверь.

Синьцзянь не имел привычки лезть в чужие семейные разборки, поэтому вернулся на диван и включил видео, чтобы скоротать время.

Вскоре отельный сервис доставил ужин, а следом вернулся и Ли Вэньсю.

— Уладил? — Синьцзянь снял крышку с термоблока. — Садись есть.

— Уладил, — Вэньсю вымыл руки и сел напротив. — Сдал его ассистенту.

Больше они этой темы не касались.

Ночь прошла спокойно.

Каково же было удивление Синьцзяня, когда на следующее утро он вновь увидел Ли Синъюя на съемочной площадке. Тот щеголял в красных баскетбольных кроссовках, кепке козырьком назад и со сливочным леденцом во рту, всем своим видом выражая подростковый бунт.

Видимо, получив нахлобучку от старшего брата, сегодня он вел себя тихо и лишь откровенно скучал в стороне.

Сегодня снимали сцену сбора мушмулы.

Еще в первый день на острове Вэйхай Бай Цзиннянь заметил во дворе виллы дерево мушмулы. Наступило лето, но плоды никто не собирал, и они гнили прямо на земле.

С появлением Тан Фэна Цзиннянь стал реже покидать дом. Гуляя с камерой вокруг виллы, он ловил в объектив мелкие детали: шелестящую листву, пышные шапки джакаранды, падающие спелые фрукты...

В то утро он снимал упавшую в траву мушмулу: яркий желтый бок на сочном зеленом ковре — в самом увядании таилась особая жизнь.

Внезапно в кадре появилась рука.

Мужская, сильная, с вьевшимися в кожу следами краски — хозяин явно бросил работу на середине.

Тан Фэн опустился рядом на корточки, поднял плод и произнес:

— А этот еще цел.

Бай Цзиннянь чуть повернул голову, следом сместился и объектив.

В кадре возник подбородок мужчины.

Тан Фэн склонился слишком близко, и в объектив попали лишь его губы.

И только сейчас Цзиннянь заметил, какой редкой, четко очерченной формы были эти губы — умеренной полноты, с изящным «луком Купидона» и нежным розоватым оттенком.

Сейчас эти губы слегка приоткрылись, обнажая ровные белые зубы, и приняли очищенную мякоть мушмулы.

Сочный плод подался под нажимом, и янтарный сок брызнул на губы.

Скрываясь за камерой, Бай Цзиннянь наблюдал за каждым движением Тан Фэна.

Лишь когда тот проглотил мякоть, Цзиннянь с запозданием сообразил:

— Ты зачем свалился в кадр?

— Снял ягоду, которую я хотел снять, — буркнул Цзиннянь.

— Оу, виноват, — Тан Фэн небрежно швырнул косточку в траву и поднялся. — Сейчас нарву новых.

Пообещав возместить ущерб, Тан Фэн обчистил дерево дочиста, заявив, что это «самообеспечение».

Увы, урожай уродился слишком богатым. Полакомившись сами и отнеся целую корзину соседям на холме, они так и не смогли одолеть запасы.

В итоге решено было сварить густой джем.

В тенистом саду ласково шелестел бриз, стрекотали цикады. Бай Цзиннянь и Тан Фэн сидели друг напротив друга за большим столом, уставленным мисками с очищенными плодами.

Бай Цзиннянь взял очередную мушмулу.

Левой рукой удерживая плод за основание, он ловко счистил поддеваемую ногтем кожуру, а затем двумя пальцами разделил мякоть и извлек косточку.

Скользкий, липкий сок стекал по фалангам, пересекал ладонь и терялся в белоснежном манжете рубашки.

— Пачкаешься, — Тан Фэн потянулся, намереваясь вытереть его руку.

Поскольку его собственные пальцы тоже были в соку, он попытался прикоснуться тыльной стороной ладони.

Но Бай Цзиннянь от неожиданности вздрогнул и отпрянул, избегая контакта.

Тан Фэн замер, а затем непринужденно убрал руку:

— Готово, вытер.

— Угу, — буркнул Цзиннянь и уткнулся в работу.

Когда с чисткой было закончено, пальцы Цзинняня окрасились в ярко-желтый цвет. Он подставил руки под струю воды у садовой колонки и под шум воды украдкой взглянул на спину Тан Фэна.

Тот уносил миски на кухню и ничего не заметил.

Вскоре над очагом закипел джем. Цзиннянь не находил себе места, крутясь неподалеку.

Когда над кастрюлей поднялся густой кисло-сладкий аромат, Тан Фэн зачерпнул ложкой немного янтарной массы и протянул ему:

— Попробуй.

Цзиннянь помялся, осторожно подул на ложку и съел джем.

— Ну как? — спросил Тан Фэн.

Бай Цзиннянь облизнул губы:

— Не разобрал.

Тан Фэн усмехнулся и снова зачерпнул из кастрюли:

— Ну-ка еще разок.

На этот раз Цзиннянь кивнул:

— Теперь чувствую, в самый раз.

Тан Фэн решил попробовать сам. Цзиннянь завороченно смотрел, как его розоватые губы обхватывают края ложки, а кончик языка слизывает оставшиеся капли джема.

— И правда, то что надо, — резюмировал Тан Фэн.

Бай Цзиннянь мгновенно вспыхнул и под предлогом поиска банок сбежал из кухни.

Джема получилось ровно шесть баночек. Наполнив их, Бай Цзиннянь где-то отрыл кисть и вывел на стекле: «Во дворе растет мушмула».

Тан Фэн хмыкнул:

— Нравится эта цитата?

Бай Цзиннянь протянул ему кисть:

— Напишешь что-нибудь?

Тан Фэн согласился, но вывел другое: «Мушмуловый джем «Вечная прочность»».

— Почему «Вечная прочность»? — не понял Цзиннянь.

— «Вечная прочность» — это термин художников, — пояснил Тан Фэн. — Краски с такой пометкой не выгорают на солнце и хранятся веками. Пусть мушмула в джеме и потеряла свежесть, зато в таком виде она пробудет с нами куда дольше.

Едва дубль завершился, Се Синьцзянь с термосом в руках опустился на раскладной стул.

Во время съемок он полностью растворялся в персонаже, но стоило камере отключиться, как наваливалась тяжесть.

В этой, казалось бы, идиллической сцене крылись два мрачных предзнаменования. И цитата про мушмулу во дворе, и название краски — все это были символы увядания. Позже зритель поймет: дерево во дворе погибнет, а то, что казалось нерушимым, разрушится.

Ло Юаньцзе виртуозно умел вкладывать трагический подтекст в мелкие детали, нанося удар в самый неожиданный момент.

И это только начало, период легкой влюбленности. Что же будет, когда герои погрузятся в глубокое чувство?..

Синьцзянь уткнулся лбом в прохладный бок термобутыли и закрыл глаза.

— Перегрелся? — раздался над ухом голос Ли Вэньсю. Проходя мимо, он коснулся тыльной стороной ладони щеки Синьцзяня.

Синьцзянь поднял голову. Лицо его выглядело бледным.

— Плохо себя чувствуешь? — окликнул от мониторов Ло Юаньцзе. — Сегодня действительно душно. Синьцзянь, сможешь продолжить?

Синьцзянь качнул головой:

— Все в порядке, просто устал немного.

Сняв еще один эпизод, группа закончила работу ближе к вечеру.

— Брат, ты сегодня был просто невероятен! — просидев весь день на площадке, Ли Синьюй едва дождался окончания и тут же подскочил к брату.

Ли Вэньсю забрал у ассистента воду, даже не наградив юношу взглядом.

— А я как тебе? — Синьюй подпрыгнул ближе, кокетливо взъерошив челку. — Думаешь, я смог бы сыграть не хуже? У вас есть свободные роли? Пристрой меня куда-нибудь!

— Ли Синьюй, — ровным тоном перебил Вэньсю, возвращая бутылку ассистенту. — Человек, который должен забрать тебя, уже ждет в отеле.

— Что-о-о?! — взвыл парень. — Как ты можешь?! Я же только вчера приехал!

— А я тебя звал?

Синьюй мгновенно сдулся, как проколотый шарик.

Но тут же увязался за Вэньсю, канюча на ходу:

— Ну пожалуйста! Я буду вести себя тихо, честное слово! Каникулы перед старшими классами — мои последние свободные деньки! Ты что, реально выставишь меня? К тому же у тебя скоро день рождения! Я приехал отпраздновать с тобой, да и на концерт Гу Синье хочу сходить! Если я вернусь домой, мама меня больше никуда непустит!

Ли Вэньсю сохранял ледяное молчание и поднялся в микроавтобус.

— Ладно! — Синьюй прыгнул следом и загадочно прошептал: — Я скажу тебе секрет, а ты разрешишь мне остаться, идет?

Вэньсю достал наушники.

— Это касается родителей! — выпалил парень.

Движения Вэньсю замерли. Он смерил юношу тяжелым, темным взглядом.

Синьюй сжался под этим взглядом, но желание остаться пересилило страх:

— Я слышал, как отец говорил, что у компании проблемы. Они хотят отправить тебя на династический брак.

После паузы Ли Вэньсю презрительно ухмыльнулся:

— Они решили добраться и до меня? В клане Ли больше не осталось мужчин?

— Изначально планировали Ли Вэньбиня! — затараторил Синьюй. — Но та богатая девица подняла его на смех! Видел бы ты его рожу... В фэнтези-романах это называется «расторжением помолвки». Он потом на ковре у отца так орал! Но девица уперлась: брак нужен, но за Вэньбиня она не пойдет. Вот отец и решил выставить тебя.

— Ли Юнчао верен себе, — в голосе Вэньсю сквозило отвращение.

Даже спустя годы после того, как он порвал с родительским домом, эти люди продолжали считать себя вправе распоряжаться его судьбой.

— Короче, я сдал их с потрохами, — подытожил Синьюй. — Так что ты не имеешь права меня выгонять!

Вэньсю лишь хмыкнул, но гнать брата действительно передумал.

Через пару дней Ли Вэньсю получил звонок с номера, который не беспокоил его уже очень давно.

В трубке долго царила тишина, пока мягкий женский голос с неуверенностью не произнес:

— Вэньсю?..

Глаза Ли Вэньсю потемнели.

— Что-то случилось? — холодно спросил он.

— Да нет, ничего... — женщина смущенно кашлянула. — Я просто хотела узнать, как там Синьйой. Я просила его не ездить, но он не послушал... Он тебе не сильно мешает?

— Ты только ради этого звонишь? — перебил ее Вэньсю.

Трубка снова погрузилась в молчание. Лишь спустя минуту мать тихо вымолвила:

— Вэньсю... Ты все еще злишься на меня за то, что я выбрала твоего отца?

Лицевые мышцы Вэньсю напряглись.

— Я уважаю твой выбор. И желаю тебе счастья.

— Ты пережил столько горя... Но у меня на руках был маленький Синьйой! Я не работала, нам элементарно нужны были деньги на жизнь! — в голосе женщины послышались слезы. — Если бы я ушла от твоего отца, как бы мы выжили?!

Вэньсю потемнел в лице. Вода на берегу уже захлестывала его щиколотки, но он даже не замечал холода.

— Не называй его моим отцом, — отрезанно произнес он. — Меня от этого тошнит.

На том конце провода снова замолчали.

— Так ты... Сможешь приехать домой на днях? — осторожно спросила мать.

— Чем тратить время на уговоры, — с ледяной иронией отозвался Вэньсю, — лучше отправь Ли Вэньбиня к пластическому хирургу. Авось молодая наследница сменит гнев на милость.

— Ах ты!.. — в трубке раздался разъяренный мужской бас, перехвативший телефон. — Неблагодарная тварь! Забыл, чью фамилию носишь?! Я жилы рвал, чтобы вырастить тебя, а ты так оплачиваешь?! Я слишком долго попустительствовал твоим капризам! Сейчас семья в беде, и ты немедленно вернешься...

Ли Вэньсю сбросил вызов.

Столько лет прошло, а набор бранных слов у этого человека ничуть не изменился.

Скучно.

Ли Вэньсю простоял у моря до самой темноты. Когда он вернулся в отель, то еще из холла заметил Се Синьцяня, беседующего с незнакомой девушкой.

На ней была сумочка через плечо, а рядом стояла ассистентка с двумя чемоданами — явно новоприбывшая актриса. Девушка что-то эмоционально рассказывала, активно жестикулируя.

Синьцянь стоял напротив в черной футболке с принтом и искренне смеялся.

Ли Вэньсю хотел подойти за карточкой от номера, но, увидав эту улыбку, на мгновение замер. Поколебавшись пару секунд, он сделал вид, что ничего не заметил, и направился прямо к лестнице.

— Я сама не верила своей удаче! — доносился сзади звонкий голос Чжао Сыци. — На пароме сюда мы увидели синего кита! Представляешь, настоящего синего кита!

Синьцянь действительно заинтересовался:

— Правда кита?

— Не веришь? Сейчас покажу! — девушка достала телефон и приблизила снимок. — Вот, видишь этот плавник?

— Не вижу.

— Да присмотришься же!

— Все равно не вижу.

— У тебя что, близорукость?

Синьцянь хотел ответить, что у него идеальное зрение два ноля и он хоть завтра может лететь в космос, но тут боковым зрением уловил знакомую фигуру.

— Потом досмотрим, — Синьцянь свернул разговор. — У меня дела, я пойду.

— Ладно, иди, — легко согласилась девушка. — Скину фотки в вичат!

Синьцянь кивнул и быстро догнал Ли Вэньсю.

— Учитель Ли, — оглядев его мокрые брюки и промокшую насквозь обувь, обеспокоенно спросил Синьцзянь. — Ты что, в воду заходил? Почему весь мокрый?

Ли Вэньсю не ответил. На мгновение задерживая взгляд на стойке регистрации, где оформлялась девушка, он спросил:

— Знакомая?

— Это Чжао Сыци, — пояснил Синьцзянь. — Она играет Цао Гуйюэ.

Ли Вэньсю вспомнил.

Цао Гуйюэ — героиня, пылающая симпатией к Бай Цзинняню. Девушка с побережья: жизнерадостная, смелая, открытая. При второй же встрече она без смущения признается Цзинняню в любви и начинает настойчиво добиваться его взаимности.

По сюжету у них даже был поцелуй — пусть по инициативе героини и лишь в щеку.

Ли Вэньсю подавил вспыхнувшую внутри темную волну и невозмутимо уточнил:

— Вы близки?

— Раньше работали в одном агентстве, — коротко ответил Синьцзянь.

Вдаваться в подробности он не стал.

Его прежнее агентство не брезговало ролью сводников. Однажды они попытались подложить под богатого покровителя и Чжао Сыци, когда та заняла топ в вокальном шоу.

Кто-то выбирает легкий путь, но Сыци верила, что за все бесплатные подарки судьбы потом придется платить втридорога.

Поэтому, когда менеджер попытался продать ее папику, она оказала жесткое сопротивление, и Синьцзянь помог ей выпутаться.

Позже Сыци смогла разорвать кабальный контракт и пробилась в актрисы третьего эшелона. Хотя они общались нечасто, эта история сплотила их, и при встречах они всегда тепло беседовали.

Они дошли до номера Синьцзяня. Отперев дверь, Синьцзянь заметил, что Вэньсю выглядит подавленным. Достав телефон, он попытался разрядить обстановку:

— Ты когда-нибудь видел синего кита? У меня есть фото, Сыци только что скинула...

Вэньсю нахмурился, шагнул внутрь и прикрыл дверь:

— Нет.

— Тогда я покажу... — Синьцзянь повернулся и обомлел: Вэньсю стоял вплотную к нему.

Расстояние между ними сократилось до предела. Синьцзянь отступил назад и уперся спиной в стену.

Со стороны это выглядело бы как классический прижим к стене.

Вот только выражение лица Вэньсю не сулило ничего хорошего. Синьцзянь счел, что на берегу произошло что-то скверное.

Сглотнув, Синьцзянь тихо окликнул:

— Учитель Ли?

Вэньсю молчал, лишь гипнотизировал его тяжелым взглядом. Синьцзянь помнил этот взгляд по съемкам: за внешним спокойствием бушевал шторм.

И этот шторм означал, что Вэньсю паршиво.

— Тебе плохо? — тревожно спросил Синьцзянь.

— Нет, — качнул головой тот и внезапно протянул руку, коснувшись его волос.

Синьцзянь от неожиданности расширил глаза.

— У тебя тут что-то застряло, — тихо молвил Вэньсю и слегка потянул.

Убирая руку, он случайно задел пальцами родинку за его ухом. По шее Синьцзяня мгновенно побежали мурашки.

Он отвернулся, чувствуя, как пылают мочки ушей.

Между пальцев Ли Вэньсю зажато лежало маленькое перышко.

— Спасибо, — прочистил горло Синьцзянь. — Наверное, на улице прилипло.

Вэньсю кивнул, но отступать не спешил.

Они вошли слишком быстро и даже не успели вставить карточку в светильник.

За окном стусились сумерки. Лишь слабый отсвет уличных фонарей падал на них через окно. В узком полутемном коридоре Синьцзянь оказался зажат Ли Вэньсю, подставившись под его долгий, пронизывающий взгляд.

Взор Вэньсю был слишком прямым и открытым. Синьцзянь смущенно попытался отвести глаза.

Но даже когда он опустил голову, Вэньсю продолжал неотрывно смотреть на него.

Не желая выглядеть трусом, Синьцзянь пересилил себя и снова поднял взгляд.

Увы, он недооценил силу этого взора.

Глаза в глаза, в полной тишине.

Спустя пару секунд сердце Синьцзяня пропустило удар, а к щекам снова хлынула горячая волна.

«Все, я больше не могу...»

Едва Синьцзянь собрался с духом, чтобы отступить, как Вэньсю опередил его: отвернулся и шагнул прямо в ванную.

В гостинной Синьцзянь без сил рухнул на диван, обняв подушку и сгорая от досады.

Черт бы драл эти съемки в гей-драмах! Теперь любое обычное прикосновение кажется ему каким-то двусмысленным намеком!

Потерев пылающие щеки, Синьцзянь вышел на балкон подышать свежим воздухом и немного пришел в себя.

Вернувшись, он посмотрел пару роликов на телефоне, но вдруг осознал: Ли Вэньсю все еще не вышел из ванной.

Время... явно затянулось.

Одно дело — принимать ванну, но ванна в отеле стояла на балконе, а в душевой располагалась только кабинка. Обычно Вэньсю справлялся за полчаса, а тут прошел целый час, а за дверью все еще шумливо лилась вода.

Вспомнив, в каком взвинченном состоянии тот вернулся с пляжа, Синьцянь перепугался, как бы чего не вышло. Поколебавшись, он подошел к двери и постучал:

— Учитель Ли? Ты скоро? Мне нужно в уборную.

Едва он произнес это, как внутри раздался глухой стук.

— Ты упал?! — ахнул Синьцянь и, забыв про приличия, рванул раздвижную дверь.

В ванной не включили вытяжку, и все помещение заволочло густым паром. Синьцянь на ощупь направился к душевой кабине. Едва он взялся за ручку, изнутри рывкнули:

— Не входи!

Синьцянь замер как вкопанный.

— Прости, я не на тебя, — осознав, как грубо прозвучал голос, быстро поправился Вэньсю. — Я задел полочку. Со мной все в порядке.

Поняв, насколько неловко выглядел его порыв, Синьцянь замялся:

— Я... я тогда пойду.

За матовым стеклом мужчина уперся левой рукой в кафель. Его уши пылали, а мышцы на спине были натянуты, как струны.

Лишь спустя долгую паузу из его груди вырвался тяжелый вздох:

— Хорошо.

Когда шаги Синьцяня стихли, Вэньсю медленно разжал правую ладонь. Густая белая капля на его пальцах под струями горячей воды смешалась с пеной и утекла в слив.